

Валентин
Сорокин

ТЫ
МОЯ

Л и р и к а

Валентин Сорокин

Ты моя

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Сорокин В. В.

Ты моя / В. В. Сорокин — «У Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-616-8

Тот, кто знал долгую муку одиночества, никогда не устанет благодарить за дар любви. «Ты моя» – книга о неожиданном, но сбывшем счастье. Это стихи о жизни, озарённой светом любви, о горьких потерях и разочарованиях, о вечной красоте и надежде. «Ты моя» – книга верности, отваги и мужества.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00095-616-8

© Сорокин В. В., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Будь со мной	6
Стыдливые шторы	6
Лебяжье имя	7
Возвращённая клятва	8
Русская дума	9
Сияющие руки	10
Голос в дороге	11
Ещё одна заря	12
Крокодилы	13
След и след	14
Божья Чаша	15
Ночь такая	16
Кровь и свет	17
Где наш дом?	18
Конь без всадника	19
Две песни	20
Когда в лесу	21
С тобой говорю	22
К морю синему	23
Ну зачем?	24
Тост поэта	25
Журавлиная река	26
Побудь со мной	27
Теплые цветы	28
Люби меня	29
Кто он?	30
Две цапли	31
Пылает Гудермес	32
Ласки фараона	33
Забвения огонь	34
Твоя снежина	35
Последний монгол	36
Лунное крыло	37
Безумье	38
Ты и я	39
Тропы к храму	39
Снегириныные поцелуи	40
Буду целовать тебя	41
Свинцовые ветры	42
За окошком	43
Тайна прозрения	44
Ты и я	45
Закат сгорит	46
Снова повторю	47
Не пой	48
За одну тебя	49

Полон	49
Свет летит	50
Страх	51
Солнечный мост	52
Донской монастырь	53
Вечная печаль	54
Её душа	55
Коршуны	56
Видение	57
Встреча с матерью	58
Синий соловей	59
Перед Богом	60
Возвращение к тебе	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Валентин Сорокин

Ты моя. Лирика

Будь со мной

Стыдливые шторы

Вспышки, охапки, кудели —
Снег возмущен кутерьмой:
Вот напроказят метели
И уберутся домой.

Плещет серебряным вихрем
Солнце?..
Озёра ли тьмы?..
Сядем к окну и притихнем,
Очень счастливые, мы.

Эти мгновенья святыми
Кто-то нарёк неспроста,
С вечера ведь не остыли
Наши с тобою уста.

Мимо в немые просторы
Двигается белая рать,
Утром стыдливые шторы
Не торопись убирать.

Грянула б радостным гулом
Свежих сугробов гряда,
Чтобы под ней потонула
Русская боль и беда.

Не уворует ворона
Тайного счастья ключи.
И над тобою корона,
Звёздная, вспыхнет в ночи!..

Лебязье имя

То гладь снегов, то приовражье
Весенней дымчатой земли,
Где с именем твоим лебязьим
Купавы тихо расцвели.

И ты летишь под облаками,
Свободная,
и пусть, и пусть —
Я оробевшими руками
Вновь до тебя не дотянусь.

Но будет миг – и я поймаю
Иль украду в своём лесу
И по ликующему маю
Тебя хвастливо пронесу.

Меж звёзд крыло твоё искрится
И голос падает, звеня,
Тебе сам Бог велел родиться
Под вечным стоном у меня.

Не поцелуй, не объятья,
А горе кличет нас вперёд,
Там всех влюблённых
на распяты
Слепая зависть приведёт.

Возвращённая клятва

Может быть, и я сойду с ума,
Если вновь твоё услышу тело.
Этой ночью с древнего холма
В облака рябина улетела.

Скорая на чувства и слова,
Кратко с ним и весело простилась.
И его седая голова
В синей мгле опять засеребрилась.

Прикоснись к душе моей на миг,
Наяву, а в мёртвых снах не мучай, —
Тьма в глазах твоих, и только в них
Затаился наречённый случай:

Я твои ладони разведу,
Трудных клятв негромко удостою,
В небесах остывшую звезду
Свечкою затеплю золотою.

Вздых себе же в юность посылать
Нам, холмам, завещано природой,
А тебе – искриться и пылать
Над неповторимую свободой.

Ты, рябина, гибельней, чем стон,
Проще сказки, виноватей вьюги,
Спеленала с четырех сторон
Все мои тропины по округе!

Русская дума

Глаза твои черные очень печальны,
А беды застывшие – впрямь величальны.

Не вьюгу, не вьюгу мы топчем ногами,
Наш край, каменья, молчит под снегами.

Ладонь твоя рядом, тиха и приветна,
Мы канем в просторах с тобой незаметно.

И чья-нибудь сытость хихикнет злорадно,
А время вперед полетит безвозвратно.

И русская дума раскосой луною
Взойдет над огромной и мертвой страной.

1995

Сияющие руки

Не лавина снежная, не ливень,
Молниями вдруг озарена,
На мгновение сделалась счастливей,
Погружаясь в сумерки, страна.

Ледяная изморозь над нами
И равнинный ветер-снегокут.
Долгий вздох твой выстрадал я снами,
А такой серьезной сны не лгут.

Мне ласкать глаза твои и брови,
Оторопью тело обнимать.
Я не страсть, а русский голос крови,
Рок любви учился понимать.

Одиноким по тоске о вечном,
Дни я перелистываю вдруг.
Небеса Путем струятся Млечным,
А земля тревожится вокруг.

Я иду, преодолая муки,
Думам дорастая до плеча,
И твои сияющие руки
Словно два заоблачных луча.

Чья же тройка проскакала быстро
Мимо нас?
Безумьем ночь полна.
Но цветет, как ландыш, серебристо
За горами темными луна.

Голос в дороге

За сумятицей дорожной,
За мерцанием огня
Слышу голос осторожный,
Он опять зовёт меня.

Что тебе, упрямой, надо,
Чья тебя кручинит боль?
Ты нежданная награда
Мне за пагубы недоль.

Я несу тебя высоко,
Я такой зажег костёр —
Серебром звенит осока
Наших северных озёр.

Опалив тебе ресницы,
Роет ветер темноту.
Но слова твои, как птицы,
Замерзают на лету.

Поле белое широко.
И до черных облаков
Стон земли, и плач, и рокот
Вырастают из веков.

Взята мной и мной любима,
Замыкая все пути,
Ты – багряная рябина,
Свет мой тайный впереди.

Ещё одна заря

Памяти Андрея Блинова

Там, за Москвой, где в крапинах мороза
Кресты и купола монастыря,
Вчера с небес упала и в берёзах
Могилу другу вырыла заря.

Он был поэт, и воин, и философ,
Окончена сыновняя страда.
В униженной стране великороссов
И он – обычный ныне сирота.

Мы гроб несли семьёй, а не толпою,
К предательскому времени спиной.
...Я от могилы тихо шёл тропюю,
И вдруг раздался голос надо мной:

«Ты нелегко сюда нас провожаешь
И никого, тоскуя, не коришь.
А помянуть весною приезжаешь
И золотое слово говоришь.

В тебе не новой злобой сердце рдеет,
А добротой, как тыщи лет назад,
Пусть не завянет и не поредет
Вокруг тебя голубоглазый сад!..»

И вздрогнул я, а за холмом пластались,
Летели вёрсты в серебристой мгле...
Я понимал: да, мы с тобой остались
Продлить уют их душам на земле.

Ты не роняй в метельных стонах слёзы,
Наш дом беда лихая не найдёт,
Пока с небес в такие же берёзы
Ещё одна заря не упадёт.

Крокодилы

Наша любовь не погибнет
И, кажется, не солжет,
Если тебя Египет
На пляже не подожжет.

Если движеньем ловким,
Ну, Боровой
иль Форд
Эти командировки
Не превратят в курорт.

У нас ведь всегда найдутся
Жены, чей светел труд:
По офисам отдадутся,
А в кухне на мужа орут.

В глубях не только Нила,
А и Москвы-реки
Носастые крокодилы
Точат на баб клыки.

Звери напропалую
Рвутся из южных мест,
Я тебя поцелую,
А кто-то пымает и съест.

Питается лис мышами,
А я, СНГэшный осел,
Прохлопал тебя ушами
Среди городов и сел.

След и след

Сколько слёз и затаённой боли
Пролилось над зимнею страной,
И зачем тебе седое поле
В поздний час переходить одной?

Не посветит окнами опушка,
В ночь луна не перестанет плыть,
Только выюга – белая кукушка
Обо мне проплачет, может быть.

И умчится по лесным улогам
Тень мою в просторе отыскать:
Дескать, он на землю послан Богом
Самую красивую ласкать!..

Ты ли мне, скажи, не доверяла,
Очи опуская с высоты,
Но метель взяла и потеряла
Наши перевитые следы.

Мы привыкли счастье тихо кутать
В белые сугробы:
след и след
Тот найдёт, кому их не распутать
И себя не убережёт от бед.

Не чужою злобой мы воскреснем,
Не своей излечится народ,
Нам судьба даётся поднебесьем,
А судьба встречает у ворот.

Божья Чаша

Серебряное льется поле,
И холм отлит из серебра,
Моя душа на крыльях боли
К тебе летит через ветра.

Пусть за лесами небо ниже,
Но в свете серебристой тьмы
Я узнаю тебя и вижу
За белым облаком зимы.

Белым-бела округа наша,
Тебе, что ею спасена,
Серебряного луга чаша
Всевышним преподнесена.

Мне ж не соперничать с богами,
И я не зря прошу в пути:
«Ты разведи меня с врагами,
Владыка, слышишь, разведи!..»

Мне б целовать твои ресницы
И чёрные твои глаза,
Пусть после вьюги в колеснице
В просторы вырвется гроза.

Я обниму тебя до стога,
Я припаду к твоим губам:
А предписания закона
Царями посланы рабам!

Ночь такая

Туча – большая рыба,
Месяц над ней – весло,
Снег серебристый выпал,
Так на дворе светло.

Дремлет берёза будто
В сетке застывших слёз,
Или её окутал
Выдохом синь-мороз.

Плакать или смеяться,
Если и в гололедь
Хочется ей подняться
И на звезду взлететь.

Это нам вызов брошен
Вышею красотой,
Вот и звенит пороша
Тихо во мгле густой.

Лунной тоски погода
Мучит нас до утра,
Вроде и жить охота,
И умереть пора.

Нету на небе рая,
Если и здесь не рай,
Ночь пролилась такая:
Здравствуй,
мой белый край!

Кровь и свет

Серебристой северной порошей
Замело твой скоролётный путь.
Ну а я как будто всеми брошен, —
Давит боль виски мои и грудь.

Кто ты мне: жена моя родная,
Иль сестра,
иль ветреная дочь?
Чей-то голос, каюсь и рыдая,
В белом поле пропадает в ночь.

И спешат по ледяной округе
Дьяволы на праздник пировать,
Только эти губы, эти руки
Завистью уже не разорвать.

Нам тоской разлуки не согреться.
Белые деревья.
Лунный чад.
И тебе под маленькое сердце
Кровь и свет страстей моих стучат.

От любви до смерти вздох короче.
Память поцелуев тяжела.
Я молился на такие очи,
И ко мне с иконы ты сошла!..

1995

Где наш дом?

Ты на небе, а я на земле,
Ты под звёздами, я же в тумане,
Как снегирь в хитроумной петле
Или взвившийся конь на аркане.

Где наш холм или древний курган,
Или дом наш?
Но в нём не ваятель —
Новый русский сидит, Чингисхан,
Белой родины завоеватель.

Дали белые пали окрест,
Небо синее тронув перстами,
Вождь грабителей каменный крест
С упоением ставит над нами.

Ты не можешь ребёнка родить,
Ты квартиру не можешь покинуть,
Страх – язычнику не угодить,
Страх – пощёчиной хама отринуть.

Да не сцапает нежность пират,
Атакуя нас ветром разврата,
Я отец твой,
и муж твой,
и брат,
Русский воин с мечом Коловрата!

Горе времени в нас говорит,
И, склоняясь твоими очами,
Куликовское поле горит
За Окой золотыми свечами.

Конь без всадника

Люблю я вещи слова,
Люблю хмельных поэтов очи.
... Не зря же слушала Москва
Когда-то нас до полуночи.

Стаканов звон и высверк фраз,
Да хлеб на скатерти шершавой.
Бедны мы были, но у нас
Был честный долг перед державой.

Среди разбуженных комет
Холодной не найти кометы,
Поэтов побеждённых нет,
Ты знаешь, это – Пересветы.

Нас травят, гордых и седых,
Опричники наёмной власти,
Теперь иных, из молодых,
Объял туман торговой страсти.

Они не вскочат в стремя
Тушить враждебные салюты.
Их конь умчался, а страна
Распластана у ног Малюты.

За шумами политвитийств
Границ вершатся переделы.
И на загадочность убийств
Есть планомерные расстрелы.

Цветёт предатель и бандит,
Бурбонистые хохля брови...
А конь без всадника летит
Над бездною огня и крови.

Две песни

Зачем упиваться безумием чувства седому,
Дороги не будет к тому незнакомому дому.

И люстра не вспыхнет для нас, огоньками играя,
Из ада мы вырвались, но не пробились до рая.

А рай – белоснежная русская наша пустыня,
И церковь над нею – сияет крестами святыня.

И если мы вскинем с тобою крылатые руки,
Как лебеди, вечно мы будем лететь без разлуки.

Крылом прикасаясь к родному крылу
в поднебесье,
Две капли жемчужных,
два сердца,
две стонущих песни.

И только боюсь я, что горько дрожа от мороза,
За нами сорвется и канет в сугробах берёза...

1995

Когда в лесу

Когда в лесу засеребрится вечер,
Ночным теплом к себе поманит дом,
Я мысленно твои целую плечи
На самом том изгибе золотом.

В окно луна глядит – и звёздно, звёздно,
И вот опять я повторяю себе:
А ничего действительно не поздно
В моем пути да и в моей судьбе.

Но разве ты не мучима бедою
И разве я не мучим?..
И куда
Мне поклониться головой седою,
Вся жизнь – одна великая беда!

Мы тосковали долго друг о друге,
В холмах невзгод потерян счастья след,
И кроме вьюги, кроме сизой вьюги,
Иных чудес перед глазами нет.

Страшнее смерти белой вьюга-птица,
Колдуя вдоль селений вековых,
Она летит – и ветер серебрится
И тонет дом в туманах роковых.

С тобой говорю

Хлопья снега, большие, большие,
На закатную веют зарю.
Долго, долго не слышал души я,
А сегодня с тобой говорю.

Очень добрая, очень родная,
Ты пытаешься горе понять.
Пусть за окнами кто-то рыдая,
Жизнь мою прокликает опять.

Пусть за окнами тройка лихая
Удилими звенит на лету
Я-то знаю, уже потухая,
Бьёт крылами она в темноту.

Мы нежнее обнимем друг друга:
Разве дважды купава цветёт?
Скоро двинется чёрная выюга,
Все кресты на Руси заметёт.

Что же сделали с нами и с вами:
Только
кладбище —
мукам конец?
Мы клялись, но святыми словами,
А они – разрядили свинец!..

Месяц канет в просторе белесом,
Вечной бездны оборванный лист,
И обрушится низко над лесом
Заплутавшего дьявола свист.

К морю синему

И шагнул я в те пределы,
Где упали небеса,
Где в снегах лебяжье-белых —
Чёрные твои глаза.

Где в сумятице минутной,
Золотисто-горяча,
Ты надежно и уютно
Держишь пламя, как свеча.

Прикоснусь – и заискрится
Хвоя чёрная ресниц,
Прикоснусь – и загорится
Страсть, без меры и границ.

Не холмы, а храмы, храмы,
Беломраморный трезвон,
И домов окрестных рамы
Вскрикнули со всех сторон.

Белое и голубое,
Звёзд шуршащая тайга,
Унесёт меня с тобою
К морю синему пурга.

1995

Ну зачем?

Ну зачем спешишь ты в край безвестный,
Разве мал тебе мой пьедестал?
Я хочу, чтобы состав железный
Тормозами заскрипел и встал.

Ты моя шальная недотрога,
Неужель я целовать горазд
До тех пор, пока тебя дорога
В чьи-то руки вдруг не передаст?

Веющий уральскими степями,
Белый снег летит из дальних стран,
И звенит чугунными цепями
Твой вагон, как царский арестант.

Никуда вовек я не поеду
Даже если кликнут соловьи:
Признаю одну из всех победу —
Стоны лебединые твои!

Ни в лугах мелькнувших, ни в берёзках
Мига осчастливленного нет.
И на всех путях и перекрёстках
До зари я выключаю свет.

1995

Тост поэта

Когда серебрится луна
Над спящими в поле холмами,
Мне кажется, это страна
Вокруг прирастает домами.

Но стоит суровой взглянуть —
Пустыня, аж сердце в испуге.
Мы сами расчистили путь
Бессчетными войнами выюге.

Какой ураган разгромил
Наследные избы и хаты?
Не встанут из братских могил
И нас не прикроют солдаты.

Так выпей же громче, поэт,
Тебе не прорваться к покою,
Опять из расстрелянных лет
Кричат журавли над рекою.

Вселенная слышит Христа,
Страдания длятся и длятся,
И ты ведь не можешь с креста
За птицами следом подняться.

Окончились пленом бои,
А взлёты – потерей орбиты.
И русские крылья твои
Гвоздями измены прибиты.

1995

Журавлиная река

Такая светлая вначале,
Как будто лишь для нас двоих,
Течет река, темней печали,
Черней широких глаз твоих.

Пока звенят в ней ливни мая,
Течет она через леса,
Холмы степные обнимая
И зарываясь в небеса.

Листва проносится к затону,
И круто в золотой пыли
Над ней снижаются и стонут
Замедленные журавли.

Нам далеко еще до ночи,
Звездолюбивая река,
Твои мерцающие очи
Мне распахнули путь в века.

С упорностью седого скифа,
Идя один, плывя один,
Я мыслью доставал до мифа,
А сердцем – до твоих глубин.

Камыш уснет в закрайках длинных,
И на песчаном серебре
Про тайну стонов журавлиных
Метель расскажет на заре.

Побудь со мной

В тебе, покорной и земной,
Есть тайна и уют,
Побудь, побудь ещё со мной,
Пока снега поют.

К тебе замыслил я побег,
И здесь, в краю степном,
Я сам седой, как этот снег,
Шумящий за окном.

Ты – добрый миг, ты – свет иной,
И я прошу опять:
Побудь ещё, побудь со мной,
Меня хотят распять.

Со всех сторон спешат враги
Простой судьбы моей,
Побудь со мной и помоги
Мне мудростью своей.

А смерти нам не миновать,
Но не про гибель речь, —
Тебя пришел я целовать,
А Родину беречь.

Глаза твои, глаза её
И колокольный звон,
Всё это – вечное, моё,
Протяжное, как стон!

Теплые цветы

А тебе я верю, очень верю,
Да и ты со мной не пропадёшь, —
Осторожно к опытному зверю
Ты по снегу белому идёшь.

В редколесье тропы не петляют,
Держатся наезженных дорог,
Браконьеры даже не стреляют,
Столько пуль всадили – превозмог.

Без позору чуду не являться,
В праздном дыме не седеет прядь,
Доброте привык я удивляться,
Ненависть страданьем усмирять.

На Руси шумят и выпивают,
Разрушают праховый уют,
На Руси поэтов убивают,
Раненым пощады не дают.

Пусть не раз я побывал за гробом,
Слава Богу —
не видала ты,
Как тянулись по родным сугробам
Тёплые кровавые цветы.

1996

Люби меня

Зачем твои груди таятся под белой рубашкой?
Они ведь, зарею омытые, позолотели?..
К тебе пробирался я с пикой
да с грубою шашкой,
Да с атомной бомбой летел
в хиросимской метели.

Мужчины, тебя мы делили на воду и сушу
И двигали жутко победные армии к маю,
Теперь отрезвели: твою полнолунную душу
В ночи необъятной я к звездам один поднимаю.

И очи твои, Богородицы вечные очи,
Целую глубоко, хочу тебе пламенем этим,
Молитвой, что юности нашей умней и короче,
Поклясться и снова исчезнуть
в мятежном рассвете.

Люби меня, чуткого, сильного, умного зверя,
Люби меня, русского витязя и стихотворца,
Скачу я, скачу я: Россия для русских – потеря,
И к русской могиле антихрист
оплакивать рвется.

Ты нежностью веешь,
ты веешь покоем и домом,
И все преступленья,
кровавые смуты прости нам,
Бывает такое – как в озере нам не знакомом
Одна вдруг качнется, до боли родная, тростина.

Не надо бороться, ну даже, допустим, с врагами,
Не надо свиваться в единую песню с тобою,
Вон лодка пустая у берега ходит кругами,
И скоро пространство поглотит её голубое.

Кто он?

Боевые рати упокоив,
Раздарив, – метелям овевать,
Стала Русь давно странною гоев,
С братом брат не прочь повоевать.

Генералы доллар не разделят,
И страдает русская земля,
А над ними, пьяный по неделям,
Правит самозванец из Кремля.

Кто он? Что он? Русские снежины,
Мы с тобой в кровавой бездне слез,
И горят, для нас недостижимы,
Голубые очи вечных звезд.

Неужели это переклики
С черными, с твоими, в дни, когда
В городах, отвагою великих,
Царствует вонючая орда?

Пляшет шут на сердце у народа:
Слово – бранью,
песня – кувырком,
Потому и Спасские ворота
До Чечни пропахли чесноком.

Разбуди мою седую волю,
Разверни багряных стягов шелк,
Чтобы я прошел по бесью полю,
Вскинул меч и до конца прошел!

Две цапли

Похожи наши души,
Будь для меня сестрою,
Твой храм не я разрушил,
Не я его отстрою.

Хочу я в чудо верить,
По следу выюгой мчаться,
Да в сорванные двери
Поэты не стучатся.

И крест грехи не лечит,
Я это понимаю, —
Тебя любить не легче,
Чем двигаться к Мамаю.

Но медью колокольной
Плеснул собор в просторы,
И в суете окольной
Примолкли разговоры.

Не одному ведь хлебу
Жизнь
сcejивать
по капле:
Летят березы к небу,
Две серебристых цапли!..

1996

Пылает Гудермес

Когда снегов серебряных так много,
Мерцающих и плачущих снегов,
Мне кажется, что русская дорога
Давно перетекла через врагов.

Зачем же нас гнетут с тобою раны
Пропавших в битвах, но для нас живых?
По всей Руси горбятся курганы
С приметами скрижалей вековых.

Травой зелёной, тропкой ли убогой,
Утёс гранитный, каменный ли столб, —
Ты подойди, и за плечо потрогай,
И поцелуй в тяжелодумный лоб.

И он ответит: «О, не мне под старость
Почтенье наставленьями стяжать,
Тебе от Бога только и досталось —
Хранить уют и воинов рожать!»

Нас истребляют водкою и пулей:
Горит Кабул!..
Пылает Гудермес!..
И потому встревожен звёздный улей
Во мраке накренившихся небес.

Ласки фараона

Я тебя ласкаю и ласкаю,
Страсти сердца стоном тороплю,
Словно бы на волю отпускаю,
Так ласкаю, словно разлюблю.

Ходят звезды за окном толпою,
Серебрист небесный океан,
Но сегодня пьян я не тобою —
Белой вьюгой, белой вьюгой пьян.

Черный свет ресниц твоих колючих,
Черных глаз бездонные пути,
Хорошо, что я давно не лучший,
Проще будет лучшего найти.

Вот когда сорвет ромашки мая
И подарит девушкам ОМОН,
Пусть тебя, в пустыне обнимая,
Поцелует сам Тутанхамон...

Пирамида черная, гробница
И сугробы черные вокруг,
Не его ли эта колесница
По России
пролетела вдруг!..

1996

Забвения огонь

Ночную думу сколько не баюкай,
А новый день встречаю я с трудом.
Ушел бы я за белой, белой вьюгой
И никогда б не возвратился в дом.

Ну где она, меж радостью граница
И горем, нас пугающим в веках?
И потому хочу я раствориться
В лебяжьих белокрылых облаках.

Мы, русские, спеленуты пустыней,
Нас всех зовёт забвения огонь.
И только иней, сизый, сизый иней,
Тебе легко осыплется в ладонь.

Мир серебрист и звёздным вздохом светел,
Грядёт во мгле последний перевал.
И вроде я тебя ещё не встретил,
Ещё ни разу не поцеловал.

Ты взята мной и мной одним любима, —
Смешна корысть,
да и ничтожна власть,
Когда в груди цветёт неистребимо,
Как снежный вихрь, ликующая страсть.

В кабальном разорении великом
Над нами виснет иговая тень.
И нас с тобой друг друга не докликать:
Так поредели стаи деревень!..

Твоя снежина

Просиял закат небесным пылом,
Ночь темна, а впереди светло.
Я свободен от всего, что было:
Удивляло, мучило, вело.

Где-то ветром новый флаг полощет,
Предвещая бурю кораблю...
Ну а я люблю, как в белой роще
Белую снежину я ловлю.

Медленно скользит она и вьется
И, не замечая никого,
Жжением томительным коснется
Вздрыгнувшего сердца моего.

Белая снежина, я ль не с нею
Прохожу по вихрям стрелевым, —
Только эта капля не тускнеет,
Посланная зорями живым.

Не огни мелькают – годы, годы,
Если за туманами весны
Кроме снов мучительных природы
Есть еще божественные сны...

1996

Последний монгол

Так целовать тебя хочу,
Что, волю окрыля,
Я налечу, в седло схвачу
И ускачу в поля.

Мой конь поднимется до звезд,
А путь под нами гол,
Кричи и плачь – на триста верст
Я тот еще монгол.

Пусть очи черные твои
Огнем страстей горят,
Пусть молодые соловьи
Со мной заговорят.

Я так ищу тебя, и снег,
Слепящий, ветровой,
Сулит мне славу и успех:
Я слышу голос твой.

Там оборвется наш полет,
Застигнутый грозой,
Где плачет ландышами лед,
Гранит скорбит слезой.

1996

Лунное крыло

Спустилась ночь своей тропой быстрой,
А на холмах в березняке светло,
Пока плывёт долиной серебристой
Луны золотопёрое крыло.

О, до сих пор душа моя слепую
Не стала, а сияет и горит,
Как будто бы ещё не раз тобою
Меня всевышний отблагодарит.

Как будто в жизни, кроме поцелуя,
Одна тщета и скука, потому
Ещё сильнее, ещё верней люблю я
И не отдам до смерти никому.

Как будто мы давно уже распяты
И родина распята до конца,
А наши дети – вьюгою объаты,
Монгольской вьюгой крови и свинца.

Такие льды скрипят за берегами,
Моей земле, такая гололедь,
Что кроме смерти, посланной врагами,
Нам ничего уже не разглядеть.

1996

Безумье

Не видя звёздную луну,
Весь вечер, а не пять минут,
Я целовал тебя одну,
Я мял тебя, как травы мнут.

Окно зашторено, и ты
Лежала золотей огня,
И груди – круглые цветы
Под сердцем рдели у меня.

Я пил твое лицо и пил,
И тьма летела кувырком,
Я никого так не любил,
Не тосковал так ни о ком.

Ты словно бы ребенок мой
И словно бы сестра моя,
И словно бы тебя домой
Привел, а не к знакомым я...

Мы перешли хмельной порог,
Луга цветов, стога травы,
И, может, сохранит нас Бог
От пули и дурной молвы.

Не отрезвиться нам и впредь,
Костер страстей не затушить, —
Кто согласится умереть,
Когда, ликуя, хочет жить?

1995

Ты и я

Тропы к храму

Эти скоростные перегрузки
Задушили черным шарфом лес.
Хорошо нам, русским, среди русских,
И в просторе русском – свет небес!

Вон, с холма взлетая, точно птица,
Сквозь пургу невыносимых драм,
У тебя во взоре золотится
Куполами белокрылый храм.

Красотой и мудрою отрадой
Ближих он встречает на пути.
Я хотел бы за его оградой
Свой приют, со временем, найти:

Чтобы ты склонялась и шептала
Имя позабытое мое.
Мгла страну родную расшатала,
Виснет у околиц воронье.

Я одну люблю тебя и снова
Говорю: «Душа моя чиста!...»
Я тебя целую или слово,
Так я пьян – не оторвать уста.

Нас не очень жалуют в европах.
Горизонт не станет голубей.
И не зря цветет на русских тропах
Огненными вспышками репей.

Снегириныные поцелуи

Мороз, еловые иголки
Да птиц петлистые следы...
А ты сейчас в низовьях Волги
Встречаешь тающие льды.

Молчит река, течет устало,
И знает лишь одна заря,
Что синюю северных кристаллов
Хранимы южные моря.

Вернешься ты, еще красивей,
Беречь и утешать любовь,
Серебряной пургой России
Позвать грозу и ливень вновь.

В краю, былинном и нехмуром,
Где палисадник, там и сад,
Саратов это или Муром,
Рязань иль Сергиев Посад:

Золотокупольные струи
Весной...
А в зиму, посмотри, —
Взлетают наши поцелуи
Огнянные, как снегири!

Буду целовать тебя

Соловьи звенят и славят лето,
Весь живой и пробужденный лес.
И сверкает колесо рассвета
Спицами по синеве небес.

Наклонись ко мне и мир послушай,
В час признанья кто не знаменит,
Если жизнью скованные души
Из долины просятся в зенит?..

Буду целовать тебя до полдня,
Ну а с полдня буду отдыхать,
Свято зная и, конечно, помня —
Скоро надо сеять и пахать.

Пусть страданья голосом столетий
В нас кричат, но никогда не лгут.
И, пожалуй, завтра наши дети
По родным цветам не побегут.

Зреет рожь, да серебрится мало,
Травы подняты,
да не густы,
Где заря бедою отпылала,
Там взлететь пытаются кресты.

Мы еще не смеем помолиться,
А уж поступь истины слышна,
Потому и звездный свет струится,
И за этим лесом – тишина.

Свинцовые ветры

Свинцовые ветры поют над страной моею,
И к нашим границам толкает дивизии Запад,
Мой Кремль ненаглядный,
на площади вновь я немею,
Отбросив ползущий
предательский рыночный запах.

И голосом горя кричат колокольно куранты,
А мы, закаленные
в дерзком победном горниле,
Как ту Атлантиду вознесшие к небу атланты,
Россию родную на камни вчера уронили.

Любимая, слушай, мучения так бесконечны,
И дома покоя не знаю я даже с тобою:
Я месяц усталый, мне двигаться вечно и вечно
Над миром погибшим
в пространство его голубое.

Мы, пленные торго кровавых растлителей эры,
Целуемся молча и молча в ночи пропадаем,
За нами с экранов недрёмно следят люциферы,
Мы лица их вряд ли теперь на пути угадаем.

А бесьи копыта стучат по гранитной брусчатке,
Беда нависает и нас истребляет большая,
И главный преступник
пять лет не снимает перчатки,
На зверью охоту из Спасских ворот выезжая.

Мой Кремль ненаглядный,
пленённый с великим народом,
А мы-то с тобою пленёны, пожалуй, с рожденья,
Но Царь поднебесный готовит возмездье
уродам
Грозою и бурей —
молитвами освобожденья!..

За окошком

За окошком не лебяжью стаю
И не звезды высеяла тьма,
Это задержалась, пролетая,
На весенних яблонях зима.

Как же мы не встретимся с тобою,
Если маем разбудило высь,
Если белое и голубое
За зеленым полем обнялись?

Ничего мы, оба, не разрушим,
У тоски недружелюбья нет,
Потому струится в наши души
Белый, белый, лебединый свет.

Я скажу и не дожусь ответа,
Только чуть расширятся глаза, —
Ведь от света золотеет лето
И грозой качает небеса.

На пиру страстей неистребимых
Ревностью остывшим не помочь.
Привкус крика на губах любимых
И в зрачках неистовство и ночь.

Обниму, нахлыну ли, прильну я,
Словно ливень, полоня траву,
Так, что даже кофточку льняную
Я опять – над сердцем разорву!..

Тайна прозрения

Я не прозреньям тайным удивился,
А на заре кричали журавли...
Они кричат, а я ведь не родился,
Хоть яблони у окон отцвели.

И на тропе вчера, у поворота,
Я целовал тебя и говорил:
«Я не родился, это кто-то, кто-то
Мне жизнь свою и память подарил!»

В любви нет воли и в судьбе нет воли,
Не приручить желаниям чудес.
И я давно седей луны, а поле
Звенит травой зеленой до небес.

Летело время вьюгой и смеялось,
Я к звездам шел из гиблой темноты,
И надо мною мать моя склонялась,
А с нею – Богородица и ты.

В слезах мы захлебнулись и в разврате,
И путь сквозь покаяния тяжел:
Вот я искал других и виноватил,
Но виноватей всех себя нашел.

И если я ни разу не родился,
Тогда зачем, горяч и остроуст,
В лучах полдневных жаворонок бился
И снеговел черемуховый куст!..

Ты и я

За морозом – ветер и метели
По селу и городу прошли.
Вот летели и не долетели
До России нашей журавли.

В тьму попали, в холода попали,
До сих пор я вижу, до сих пор,
Как с небес по одному упали
В синий леденеющий простор.

Чтобы вечно властвовать над нами
Святости, не зная кандалов,
Где упали – вспыхивает пламя,
Золотее новых куполов...

На колени встанем перед Богом,
Ты и я,
нам вместе веселей:
«Господи, мы просим не о многом —
Пощади летящих журавлей!

Бедные не платят за богатых,
На врагов не плачутся враги,
Сбереги влюбленных и крылатых,
И не предающих сбереги!»..

В мире ужас воцарится тихо,
Там и тут безлунье,
там и тут,
Если журавель и журавлиха,
Две последних песни, упадут.

Закат сгорит

В черёмушниках белых мая,
В пьянящей зелени лесов
Я поцелую, обнимая,
Тебя среди птичьих голосов.

День вызвенился колокольно
В берёзах белых – голубой,
И ни о чём душе не больно,
Ведь ты со мной и я с тобой.

Пусть пролетают наши годы
И песню нашу там, вдали,
За чёрные крутые воды
Вдруг уронили журавли.

Черёмуховый куст белее
Пурги, охапки снеговой,
И ты дороже и милее
И горше думы вековой.

Закат сгорит, но остается
Созвездий зовная тропа,
В России русским не дается
Простое счастье и судьба.

О сколько сил и сколько воли
В страданиях погребено, —
За горизонтом плещет поле,
Как жаль, что пройдено оно!..

Снова повторю

Спит вода болотная в урёмах,
А заря приподняла крыло,
И цветущей кипенью черёмух
Мне глаза на миг заволокло.

Я хотел бы в мире повториться,
Да нельзя – над нами вечный Бог,
Я хотел бы в жизнь твою влюбиться,
Но тяжёл туман моих дорог.

Даже утром, лиственно-зелёным,
Тайна ожиданий нелегка:
Посмотри, опять с лебяжьим стоном
Двигутся над нами облака.

Вот и под болотную водою
Тыщи лет лежит без перемен
Горевою глыбой золотою
Мёртвое страдание измен.

Начинает песню удалую
Тёмный лес, приветствуя зарю,
Я тебя сегодня поцелую,
Завтра снова это повторю.

Нашу радость укрощает смута,
Ветер гибельный
распятых лет,
Словно та черёмуха кому-то,
А не мне роняет белый цвет.

Не пой

Что ж я плачу, седой человек,
Иль печальнее песню не слышал,
Я ведь прожил означенный век,
Словно вдруг за околицу вышел.

И увидел, как в центре земли
Погибает Россия родная,
А над нею летят журавли,
Высоко и прощально рыдая.

Разве ты молодой не была
И в ладонях моих не дышала,
Но завьюжилась черная мгла
И на разум слеза набежала.

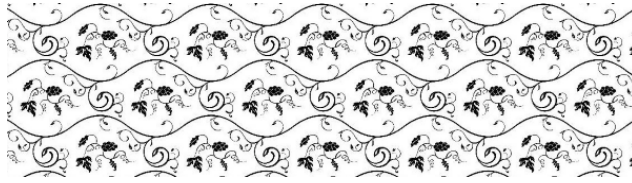
Через поле – страда за страдой,
Через рощу – беда за бедою,
В красном озере день золотой
Закипел за уральской грядою.

Так не пой же, не пой же, не пой,
Мы знамению не покоримся,
Лучше в грозном просторе с тобой
Затеряемся и растворимся.

Не достигнуть своих берегов,
Одиноко в пути умирая...
Серебристая бездна снегов
И пожары – от края до края.

1996

За одну тебя

Полон

То не месяц вдали блесит,
Не луна скользит по тропе,
Это сердце мое летит
В звездном небе опять к тебе.

Мир, настроженный и седой,
Слышит шорох твоих ресниц,
Ночь, надломленная бедой,
Опускается до границ.

Кто идет нас завоевать
В русском поле, в твоём доме,
Будет с губ красоту срывать,
К стону лапаться твоему.

Стыд ударит тебе в лицо, —
Слава Богу, что в окнах чадь:
Ты не выбежишь на крыльцо
Утром рано меня встречать.

Всех вас, любящих, увезут
Для затей, так заведено,
И драконы вам обгрызут
Груди белые в казино.

Брат молчит и сестра молчит,
А в отечестве дорогом
Иудей на торгах стучит
Моисеевым батоном!..

Свет летит

Когда-то Марс, пылая во Вселенной,
Свет посылал Земле через года,
Теперь и он в тщете обыкновенной
Уже давно – остывшая звезда.

А мы живем фантазией и снами
И странно знать, как через тыщи лет
Марс продолжает излучать над нами
Великий свет, непобедимый свет.

Я поклонюсь ему и на осеннем
Чужом ветру подумаю не раз:
«И вы бессмертны, Невский и Есенин,
Вас нет давно, но свет летит от вас!..»

Я старше вас, я пережил короны,
Знамёна, гимны, клятвы пережил,
А вот вороны были – есть вороны,
А соловья и снег не устрошил.

Под яблоней, под белую березой
Опять звенит и спрашивает вновь:
«Зачем цветет багряно-горькой розой
Надежда человечества – любовь?»

Прощанья миг под сердцем у поэта,
А повернешься – рядом никого,
Вот почему так много в мире света
И так легко ослепнуть от него.

1997

Страх

Светлый путь наш за клубился тьмой,
Мгла в горах и мрак ночной в ложбине.
Повернули русские домой,
Хватит, наскитались на чужбине.

Журавлями дедовы кресты
Всё кричат над зарослями пашен.
Русские селения пусты,
Русский вздох седому веку страшен.

Ну о чём тебе я говорю,
Разве ты страданиями прекрасна?
Мы с тобою в юности зарю
Захотели встретить, да напрасно:

Не бегут к нам под ноги цветы,
Не звенит луна под небесами.
Русская рябина, это ты,
С горькими ужасными глазами.

Тьма и тьма клубится, клокоча,
И не ливни – бронзовые стрелы,
Русского терпения свеча
На ветрах предательских сгорела.

Я с ума сойду, а не пойму
Банды, на акцентах говорящей,
Не с того ли тычется во тьму
Брат нетрезвый головой пропащей?

Беззащитна русская земля,
Смерть гуляет в переулках узких:
То враги из русского Кремля,
Хохоча, расстреливают русских.

Тьма и зверь за ними, тьма и зверь,
Тьма и зверь ползут в поля и доли.
И на душу русскую теперь
Новые охотятся монголы.

Солнечный мост

Годы прожиты. Тишь и усталость.
Вот и кажется, веря в покой, —
Это ты, молодая, осталась
И смеешься, одна, за рекой.

И, не зная о нашей потере,
Сквозь обычную сутолочь дел
Спросишь, выйдя на солнечный берег:
«Ой, когда же ты так поседел?»

А в ладони широкого плёса,
Можно даже слегка занеметь,
Будут ласточки падать с откоса,
И берёзы над нами звенеть.

Хлынет в сумерки звёздность и лунность,
И опять удивлюсь я:
«Скажи,
Неужель возвращается юность
У забытой заросшей межи!»

Словно лилии, губы кусая,
Понесу я тебе по стерне,
Что мне делать, коль вся ты босая,
Вся доступна туману и мне.

1997

Донской монастырь

Да, да, их памятники возведены на древних погребениях наших...

В монастыре за мглой растений,
Свершив распятие и блуд,
Толпятся мраморные тени
Увитых лаврами иуд.

Моя земля не виновата,
Что дом родительский пленён,
А я судьбою Коловрата
С дней отроческих наделён.

И вскидывая меч открыто,
Торю я звездные пути, —
Монгольской конницы копыта
Ещё стучат в моей груди.

Мы – северные палестинцы:
Опять у храмовых ворот
Хоронят новые ордынцы
На русском прахе свой народ.

Нас примириться не заставить,
Жестокость душу не сомнет,
Они пришли нас к стенке ставить,
Ну так посмотрим – чья возьмет!..

Мы поднимаемся и стонем,
И трудно строя третий Рим,
В морях бушующих не тонем,
В пожарах грозных не горим.

Когда бесстрашие и силу
Растрачу я, врагам не мил,
Ты отыщи мою могилу
Среди разрушенных могил.

Вечная печаль

Когда свеча приникнет к изголовью,
Ночь растворит последние шаги,
Мои стихи, исчёрканные кровью,
Ты на костре прощания сожги.

Костер любви, пусть он горит, пылая,
Не в нем ли всё спаялось и слилось, —
Разбитая стезя моя бывшая
И то, к чему дойти не довелось.

За страшный день никто нам не ответит,
И поле наше снова топчет зверь.
Я крик травы услышал на рассвете,
А распахнул перед тобою дверь.

Одна гроза катилась из пустыни,
Другая выползала из лесов.
Дубы молчали, словно бы застыли
Распластанные крылья парусов.

Я говорю тебе: «И в круговерть
Найтием я угадал тогда,
Как со цветов сочились капли смерти,
В реке взрывалась порохом вода!..»

Ступнёю тёплой исцелуй планету,
А древняя печаль недалеко:
Простор широк – и только русским нету
Свободного от гнёта уголка.

Нас пригласили в мир и обманули,
И вытолкнули смеху на порог,
Вот почему свистят и рвутся пули
И опадают листья вдоль дорог!..

Её душа

Не того встречаю, привечаю
И не ту спасаю от невзгод.
Вот живу я и не замечаю,
Что цветет рябина каждый год.

Вековой взята перегрузкой,
Ей и мне с рожденья не везет, —
Заревые капли крови русской
В океан страдания несёт.

Счастье ей и чудится и снится,
А по яви доля нелегка.,
Меж оград душа её теснится
И до звезд дорога далека.

Русские просторы без причала,
А за ними ветер и молва.
Разве бы она не закричала,
Да сдавила горло синева.

Иволгу вчера грозой убило,
Соловьи израненные спят.
Край, в котором выросла рябина,
Взрывчатыми распрями объят.

Лунный лик восходит и смеется,
Не суля пощады никому,
Потому шумит она и гнется,
Приникая к сердцу моему.

1997

Коршуны

За облачной редью, за ширью полей
Не слышно, не видно родных журавлей.

Меня не зовут и тебя не зовут,
А черные коршуны стаяй плывут.

И кажется в небе под звон похорон
Ведёт их в Россию восточный дракон.

Он лапы раздвинул и выпятил пасть,
Но всё же боится на землю упасть,

Где грозно сверкают из гибельной тьмы
Доспехами предков немые холмы.

А месяц глазастый тревогу трубит, —
Он первым над Волгою будет убит!..

1997

Видение

А случилось диво не простое,
Если мы и глаз не отвели...
Не закат, а море золотое
Разлилось внезапно до земли.

Я не знаю, к радости иль к горю,
На волне замедливая ход,
Продвигался царственно по морю
Золотой небесный пароход.

На борту доспехи и скрижали —
Все почтить величие должны,
И к нему восторженно бежали
Золочёногрудые челны.

Он проплыл через века и годы,
Меж войной державной и тюрьмой,
Потому грядущие невзгоды
Затонули за его кормой.

Золотое море древней сини,
Без огня окопного и гроз,
Это пробил звёздный час России, —
В путь её благословил Христос.

Тишина, а на душе тревожно:
Неужели завтра да и впредь
Смысла нет и больше невозможно
За победу молча умереть?

По озёрам и холмам покатым
Свет летит багряно-голубой.
Хорошо мне быть не виноватым
Перед жизнью и перед тобой.

Встреча с матерью

*На могильной плите моего отца выбито три журавленка – три
погибших сына...*

Это смерть или в кончину дверь, —
Лунный свет через окно струится.
Мать моя, серебряная птица,
Маленькая, легкая теперь.

Говорит: «Зовет и дни мои
Наш отец тревожит сыновьями,
Сгибшими твоими братовьями,
Спрашивая про пути твои:

Мол, такие ветры по земле
Пронеслись – кресты перекосили,
Где же затерялся он, в России
Аль в чужой и непонятной мгле?..»

Зелены отцовские поля,
Но плита могильная не греет.
И по ней кружат три журавля,
А четвертый в грозных далях реет.

Я один остался – род продлить
И, не отдан вечному кургану,
Я один прошел по урагану,
Но страданьем бед не утолить.

Мгла и мгла клубится без границ,
Волны от провала до провала:
Сколько стай серебряных упало,
Сколько птиц пропало, сколько птиц!..

Я, как ты, истерзанная мать,
Вижу всех недрёмными очами:
Даже там, за звёздными свечами
Я готовлюсь горе принимать.

Лунный диск звенит с уральских гор.
Лунный свет через окно струится.
Мать моя, серебряная птица,
Никому, а только мне в укор!..

Синий соловей

Страстью каждого побега
Сквозь пласты немого зла
Из-под снега, из-под снега
Встала яблоня, бела.

Встала, тонкая, в округе
День цветами закипел,
Соловей, седее вьюги,
На ветвях её запел.

То ли серый, то ли синий,
Свет серебряный он льет,
Лепестковый зябкий иней
Страхивает и клюет.

По очам твоим зовущим —
Кто нам это запретит? —
По плечам, объятий ждущим,
Снег сверкает и летит.

Не с пургой, так с белым ветром
Закружится нам дано.
Я хочу зелёным кедром
Заглянуть к тебе в окно.

Или клёном, или клёном,
Размыкая белый дым,
Но не менее зелёным
И не менее седым.

1997

Перед Богом

А мы живем, то плача, то робея,
То не суля пощады никому...
Я не хотел бы видеть, как Помпея
Исчезла в наползающем дыму.

Я не хотел бы слышать, если боги
О гибели нам скорой говорят,
Пусть на моей и на чужой дороге
Всё те же звезды вечные горят.

Сравнимы беды или не сравнимы,
Грешно копать в пекле и в золе,
Но мой народ лишь потому гонимый —
Добрее нет другого на земле.

Он заслони знаменами планету,
Идя вперед и падая вперед,
Так разбросал себя по белу свету,
Что, может быть, уже не соберет.

И чем ему, действительно, гордиться,
Соседей спас и незнакомых спас,
Теперь легла железная граница
Между могил...
И разделила нас.

Не надо с нашим горем препираться,
Есть глухота и есть обиды зов:
А вдруг мы вновь надумаем подняться
Перед крестами братьев и отцов?!..

1997

Возвращение к тебе

Мой дом накрывается,
бурей внезапной объятый,
Одни я в просторе,
бессонницей гиблой распятый.

Один я и полночь, да ты, за морями, лесами,
Всё смотришь мне в сердце,
как мама, большими глазами.

Такими большими,
что нет им, иконным, границы,
Я слышу ладони, слова твои слышу, ресницы.

И я обнимаю, целую, ликую, сгорая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.